

— Какая вы бледная! Это потому, что вы видите в жизни только ее грустную сторону и не любите шоколада.

— Да побудьте же серьезным хоть пять минут!

Ведь дело идет о жизни и смерти.

— Даже и две минуты не хочу быть серьезным, друг мой.

Ни жизнь, ни смерть не стоят того.

Этель Лилиан Войнич. «Овод»

Мы любим шоколад, наша любовь к шоколаду эмпирически проверена в рамках парадигмы философского дискурса в контексте положительной коннотации на примере шоколадных батончиков.

Всё в этой истории автобиографично, но ничего из этого не случилось в реальности. Все персонажи книги — это я: как говорил Томас Манн, «не о вас идет речь, вовсе не о вас... но обо мне, обо мне». Это наш — только наш мир, полный смеха, несчастий и счастливых.

2021 год

СЕНТЯБРЬ, ИНВЕСТИЦИИ В БУДУЩЕЕ

Среда, 1 сентября

Утро, где подарок? Первого сентября мне положен подарок. У кого начинается учебный год? Кто преподаватель? Я преподаватель! Хотя и бывший, но всё равно: преподаватели психологии бывшими не бывают.

Утро, подарка нет.

Чему я больше всего была бы рада? Больше всего я была бы рада всему. Книге, виниловой пластинке, картинке, даже аудиокурсу. Но, конечно, не по литературному мастерству. Зачем писателю курс по литературному мастерству?.. Подарка никакого нет.

Но ничего, подарки не всегда дарят по утрам... хотя человек, с которым ты вместе уже двадцать пять лет, мог бы знать: утром лучше. Можно, конечно, весь день ждать, надеяться, обижаться, совсем разувериться, зло поглядывать, а вечером получить, но утром — лучше.

Открыла банку с кофе, и тут случилось ужасное — а ложечка моя где?! Нет ложечки! Ложечка моя, моя

серебряная, с мишкой, маленькая моя, миленькая, единственная моя, детская, — я ее потеряла?!

Подумать только, всё на своих и чужих местах — любимая бабушкина чашка в книжном шкафу, книги в кровати, ноутбук в ящике с бельем, — а ложечки моей нет. Дом огромный, хозяйство большое и безалаберное, куда же она делась, чтобы потом найтись в неожиданном месте?.. Я ее потеряла, потеряла навсегда!

Плакала. В душе, но громко. Я плакала не себе, а Андрею: думала, он услышит, придет и пожалеет меня. Скажет: «Не плачь, я куплю тебе новую ложечку». Я бы прижалась к нему, всхлипнула, и сказала бы: «Я хочу свою старую, зачем мне новая ложечка?» и «Но только красивую!»

— Ты! Ты всегда всё теряешь! Всё выбрасываешь! Здесь лежала моя папка с договорами, где она?! Где моя синяя папка?! Ты ее выбросила?! — кричал Андрей. Без подарка. Он кричал без подарка.

Ужасно, когда тебя несправедливо обвиняют: я не трогала синюю папку, я вообще ее не видела, не может быть, что выбросила! Или может.

Андрей ушёл, да еще и дверью хлопнул. А я продолжала плакать... сидела за столом с ноутбуком, закрыв глаза руками... Не часто я расстраиваюсь из-за вещей, — я же не расстроилась из-за синей папки, но это была не вещь, а памятная ложечка... Ничего у меня нет, теперь даже памятной ложечки нет, исчезла ложечка, и Андрей исчез... думаю, перед тем, как уехать на совещание, зашел выпить кофе в наше кафе. Пока я тут плачу, совершенно одна, идет к стойке, бармен кричит ему «двойной эспрессо, как всегда?», женщины в кафе провожают его глазами: мужественные молчаливые красавцы с годами не перестают быть мечтой всех девочек.

В плохие мгновенья я понимаю: он не чувствует тонких движений моей души. Неужели работа и рыбалка интересней, чем моя душа?.. В плохие мгновенья я понимаю: любая треска была бы ему лучшей женой. Станет ли треска обижаться, что он не едет с ней в Париж? Захочет ли треска пойти на презентацию поэтического сборника? Рассердится ли треска, если по дороге домой по Фонтанке он не захочет держать ее за руку и читать стихи?.. ...Исчез и дверью хлопнул. Я и так расстроилась, плакала. А на меня кричат. Я всегда, я всё выбрасываю, а что не выброшу, то испорчу, в моих руках всё горит... Уронила голову на клавиатуру, текст первой главы улетел. Блям! Вдруг — блям! Ложечка! Ааа?.. Ложечка? Ложечка! Упала на стол! С неба? Прямо передо мной? У ноутбука? Моя! Детская! Памятная! Как это, откуда?! Где взял?!

Где? А на помойке. Хлопнул дверью, спустился вниз, на помойку, открыл бак, отыскал в баке наш пакет с мусором. Долго искал: пакет я вчера выбросила, сверху уже много успели накидать. Ой, даже представить страшно — там ведь был не только наш пакет, наш мусор милый, чужой противный. А в нашем — ложечка!.. Ох, неужели прямо так — хлопнул дверью, направился на помойку, поискал в помойном баке и нашёл?! Может быть, это любовь? Да, точно, это подвиг любви. Человек, даже мужчина, всегда оказывается сложнее, чем думаешь. Думаешь, что он пьет кофе или уже проводит совещание, а он на помойке, совершает подвиг любви. ...Где, кстати, подарок, книга, пластинка, картинка и (или) прочее ценное-драгоценное?..

Ничего, ложечка из помойки тоже достойный подарок. Ложечку из помойного бака я ценю больше всех подарков. Ложечка из помойки — это подвиг любви. ...Хм, а если бы ложечка не нашлась?.. Если бы ложеч-

ка не нашлась, я бы сказала: «Ты что, правда, как кой-от, искал наш пакет в мусорном баке?» Несправедливо, что в жизни всегда всё зависит от успеха предприятия, а не от намерений. Ложечка нашлась — ты молодец, не нашлась — ты кайот.

Ура, текст первой главы не пропал: улетел, но вернулся. Мне говорят: «В ваших книгах так много самоиронии, это редкость». Ага, редкость. Когда кто-то выбросил ложечку в помойку, а ты смеешься «ха-ха-ха», это у тебя чувство юмора. Когда кто-то выбросил ложечку в помойку, и ты улыбаешься «хе-хе», это ирония: мол, такова жизнь, ничего не поделаешь. А если ты сам выбросил ложечку, плачешь и при этом наблюдаешь, как ты плачешь, это самоирония. Самоирония редкость, я редко выбрасываю ложечку в помойку.

...Если подумать, это хорошее предложение, чтобы нас хвалили не за успех, а за благие намерения. Тогда и за неуспех бы не ругали! Например, один человек забыл купить подарок, а другой не хотел выбрасывать папку с договорами... и ему за это ничего не будет. Если подумать, это предложение, которое может изменить мир, привести гармонию в любовные и профессиональные отношения. Если учитывать только намерения, то никто никого никогда бы не ругал: мы же все всегда хотели хорошего.

Пятница, 3 сентября

Мы с Мурой встретились у мамы. Мама сказала, что ей нужно поговорить с нами обеими. Всего одну минутку. Вот мы и пришли. С опаской. Мало ли о чем — с нами обеими?

— Девочки, боюсь, у нас есть проблема, — сказала мама с лицом «не хотела говорить, но».

Я очень пугаюсь, когда у мамы такое лицо: а вдруг «не хотела говорить, но» означает, что она была у врача?

А Мура не испугалась. То есть немного напряглась, что ее будут за что-нибудь ругать, но не испугалась, как я, не подумала про болезни, врача...

Мура ничего не боится, потому что она еще маленькая, ей тридцать пять лет. В ее возрасте я тоже не воображала, что врач велел маме сдать анализы, она сдала, врач посмотрел и... и сейчас мама скажет, что у нас проблема...

— У нас проблема: Яша хорошо ест.

Ф-ф, слава богу! Бывают дети, которые плохо едят, а Яша хорошо ест.

— Яша слишком хорошо ест.

Маме лучше знать. Два раза в неделю Мура забирал у нее котлеты. Возможно, некоторые осудили бы Муру, а возможно, наоборот, похвалили бы за то, что

она забирает котлеты. Мура врач, доцент, преподает, забирает котлеты. В любом случае, мама точно знает, сколько котлет в неделю съедает Яша.

— Яша просто крупный ребенок, — со скрытой агрессией сказала Мура.

Это правда, Яша крупный ребенок, крепкий как пушечное ядро, если с ней случайно столкнешься, отлетишь. Мама настаивает на формулировке «ребенок весит на пару кг больше, чем хотелось бы».

— Может быть, все-таки диета?.. Я не сплю ночами, переживаю.

Мы обсудили, пришла ли пора посадить Яшу на диету, или лучше сделать это чуть позже, или никогда. Должен ли ребенок знать, что у него есть проблема? Или расти в абсолютном принятии другими и собой? Запирать ли холодильник? Если Яшу ограничить в котлетах, она будет стоять у холодильника и плакать. Будет ли для Яши осознание того, что «сладкое — нельзя!», моральной травмой? Будет ли такой же травмой ограничить себя в булочках? Можно ли ограничить себя позже? Когда? В семнадцать лет? В тридцать?

Мура как представитель своего поколения считает, что диета — это насилие, ребенок должен быть собой, диета заложит в Яше жуткие комплексы... но ведь если Яша будет расти и толстеть, это когда-нибудь тоже приведет к комплексам? Мама как представитель своего поколения уверена, что не грех и надавить на человека для его же пользы. Я как психолог и писатель считаю, что современная идея «быть собой» работает до первой личной драмы, а также я кое-что считаю как преподаватель: нужно научить всему!.. Всему, чему можешь. Я же научила Муру умываться, а не оставила быть собой, счастливым грязным поросенком без ком-

плексов. Есть ли у меня комплексы от того, что миллионы раз или больше мама сказала мне в детстве «не сутулься!» и «не косолапь!»?

Мама живет там же, где жила ребенком во время блокады. Переехала сюда двадцать лет назад, в ту самую квартиру, в том же доме: это невероятное совпадение, которое бывает только в романе. В романе она тут же нашла бы тайник под полом или в стене, блокадные письма, семейные фотографии, холст Рембрандта, спрятанный при эвакуации Эрмитажа. В жизни ничего не нашла... хотя мы делали ремонт.

Думала ли мама, когда жила здесь в блокаду, что будет ограничивать в котлетах свою правнучку?.. Ни о чем она не думала, ей было всего четыре года, она просто боялась, мерзла и хотела есть.

Когда Мура поняла, что разговор становится неприятным (она не должна заказывать домой Макдональдс, должна вместе с ребенком заниматься спортом, делать зарядку), Мура взяла котлеты и направилась к выходу.

— Мура какая-то грустная, у нее всё нормально? — тревожным полубормочным голосом спросила мама.

— Всё нормально, я точно знаю.

Сделала вид, что мне нужно в туалет. Я всё время должна притворяться! Потому что я в сэндвиче, между мамой и Мурой. Как колбаса между булкой и листком салата, не могу показать маме, что ничего не знаю про Муру. У мамы мгновенно делается полубормочный вид. А я никогда — никогда не расстраиваю маму. Я не могу показать маме, что волнуясь, и должна делать вид, что я в туалете, а не бегу за Мурой по лестнице.

Погналась за Мурой по лестнице.

— Мура! Ты какая-то грустная!

— Просто плохое настроение. — Мура снизу огрызнулась как подросток.

— У тебя какое-то хитрое лицо!

Мура захохотала басом. Доцент, мать, а хохочет как гиена-подросток.

Ох, совсем забыла, что я бывший психолог. Нельзя говорить «ты грустная», это вызовет раздражение. Нужно сказать «мне кажется, ты выглядишь грустной».

— Мне кажется, ты... — начала я, но Мура уже была на первом этаже, и я закричала: — А что у тебя случилось?

Мура внизу хлопнула дверью.

— А еще доцент!.. — бессильно выкрикнула я вслед.

Я очень горжусь тем, что Мура доцент, доцент — это будущий профессор.

...Почему у нее плохое настроение?! Она молодая, красивая, врач, у нее есть котлеты... Она что-то скрывает от меня, что? С другой стороны, у Муры всегда хитрое лицо.

В конце концов, некрасиво так себя вести! Если у тебя неприятности, скажи, какие именно. Не хочешь рассказывать, сделай вид, что всё хорошо. Зачем напрасно тревожить? Мы другое поколение, мы не расстраивали мам. Моя мама даже не знала, что у меня что-то не так.

...— Что у тебя с лицом? Ты чем-то расстроена? ...Ну, я же вижу, что ты расстроена! Ничего от меня не скрывай! Что происходит?! У Андрея всё в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь? Андрей хорошо себя чувствует? Не забывай, он уже не мальчик! Что-то с Мурой? Что с Мурой?

Обсудила с мамой (а с кем же мне еще поговорить, поделиться, она же моя мама): Мура не говорит, поче-

му у нее плохое настроение. Может быть, ей снова пора замуж. Может быть, она больше не хочет выходить замуж. Мне не нравятся Мурины розовые ботинки. Я надеюсь, что Мура не пользуется Тиндером, она же врач!

С одной стороны, Мура врач, стоматолог. С другой стороны, Мура не совсем врач-стоматолог. Мура не любит зубы. После того как Мура окончила институт, внезапно выяснилось, что нужно работать: мазать ваткой, делать уколы, сверлить. Муре понравилось сидеть в белом халате, но не понравилось, что у людей зубы. Хитрая Мура защитила диссертацию, стала доцентом, читает лекции по терапевтической стоматологии и показывает студентам, как нужно лечить зубы, на пациентах-образцах.

...— Мам? Смотри, вот я... я никогда тебя не расстраивала. Я хорошо училась, тебе не приходилось говорить мне «вырастешь и станешь дворником!». Все свои проблемы я решала сама. Всегда понимала, что ты чувствуешь.

— Если бы ты понимала, что я чувствую, ты бы так не поступала, — многозначительно сказала мама.

Что?! Я бы так не поступала? Но как, как я поступала?.. Звучит, как будто в моем прошлом есть страшные тайны. Как будто я выросла и стала дворником, просто мы никогда об этом не говорим. Я хорошо училась (а Мура плохо!), я защитила диссертацию (Мура тоже), я написала много книг, я... Чем я расстраивала маму?!

Перебрала все свои поступки, так и не поняла, что я сделала. Ну, предположим, мама немного поволновалась, когда я на первом курсе родила Муру, разве-лась с ее отцом, ушла из университета, немного побыла хиппи... но это другое.

*Понедельник, не самый удачный день,
6 сентября*

ПЛАН ДНЯ

10:00—14:00 — написать третью главу, в крайнем случае, половину второй

15:00—16:00 — врач-травматолог, не забыть взять старое МРТ

17:30 — Ирка-хомяк, Алена, Ольга в кафе «Фартук».

15:00

Ровно в три часа была в кабинете врача на Литейном. Говорят, что это лучший врач в городе по колену.

— Да-а, — сказал врач, посмотрев в своем компьютере МРТ колена, — дело серьезное.

Да-а! Серьезное. Спортивные травмы. Как бы спортивные. Левое колено на МРТ выглядит так, будто я всю жизнь играла в футбол, бросалась на мяч не щадя себя, падала на колено, порвала мениск и связки ради победы. А я ведь никогда не падала на левое колено. Я имею в виду не во время игры в футбол, а вообще никогда, на правое тоже не падала.

— Операция, — сказал врач, — других вариантов нет.

В том-то и дело, что вариантов нет, но один есть. Рассказала врачу, что я — медицинское чудо. Колено заболело три года назад. Сделали МРТ. Сказали, что мне поможет только операция. Можно попробовать сделать укол, — три укола какого-то волшебного вещества, но не поможет. А если поможет, это будет чудо.

Чудо случилось! Три укола, и всё прошло, я забыла про колени.

— Сделайте мне такие уколы, — попросила я.

— Уколы не помогут, у вас практически раздроблено колено. У вас есть старое МРТ?

Достала конверт, вытащила старое МРТ, протянула снимок врачу — вот, пожалуйста, МРТ колена.

Врач взглянул на снимок, поднял глаза и некоторое время смотрел на меня обалдевшим взглядом.

— Что? — спросила я.

— Что? — спросил врач.

Оказалось, я показала врачу вместо МРТ колена МРТ головного мозга. И светски спросила: «Ну что, теперь видите, что я медицинское чудо? У меня необычный случай... Мне вас рекомендовали как лучшего в городе врача по колену, вы же разберетесь, почему у меня так?»

Не понимаю, почему он смотрел на меня диким взглядом. Ну да, у меня вместо левого колена голова. У меня в левом колене головной мозг. Но он же лучший врач в городе, мог бы и не поглядывать на дверь кабинета, как будто хочет сбежать от пациента с необычной травмой.

...Долго не могла понять, откуда у меня МРТ головного мозга? Это вообще мой мозг? А если чужой, то чей? Наконец вспомнила: когда-то давно сделала МРТ по просьбе мамы. У меня сильно болела голова,

и мама прописала мне МРТ головного мозга. Кстати, тогда его никому так и не показали: головная боль прошла.

— Там всё нормально? С мозгом? — спросила я.

Врач по колену еще раз посмотрел мое МРТ головного мозга и сказал, что попробует сделать уколы в коленный сустав. Отлично!..

17:05

Позвонила Алена.

— Я не приду. У меня нет на тебя ни минуты! — рывкнула Алена.

Но... почему на меня? Мы дружим сорок восемь лет, с тех пор как в первом классе уселись за одну парту. Не то чтобы мы сорок восемь лет учились в первом классе, но в некотором смысле да, мы все еще за одной партой. Могла бы не говорить «у меня нет на тебя ни минуты!» Могла бы сказать «на вас», не только на меня нет времени, но и на Ирку, и на Ольгу тоже.

17:06

Я в кафе на нашем обычном месте у окна.

А вот и Ирка-хомяк!.. Хомяк живет со мной одним домом в одном доме (я на третьем этаже, Ирка на четвертом), милый, теплый Хомяк... Ни один человек не стал бы наряжаться, чтобы спуститься в кафе в своем доме. Иркин стиль — агрессивная женственность: губы, локоны, бусы, бант, жабо, пышная юбка. Словно Хомяк собрался на свой первый бал. Но. Агрессор не наряжается, агрессор живет нарядным. За много лет я видела Ирку разной, заспанной, рыдающей, страдающей от расстройства желудка, но ни разу не видела без банта и бус. Даже когда умер Иркин муж ПетрИваныч, год назад, в день серебряной свадьбы. Кажется,